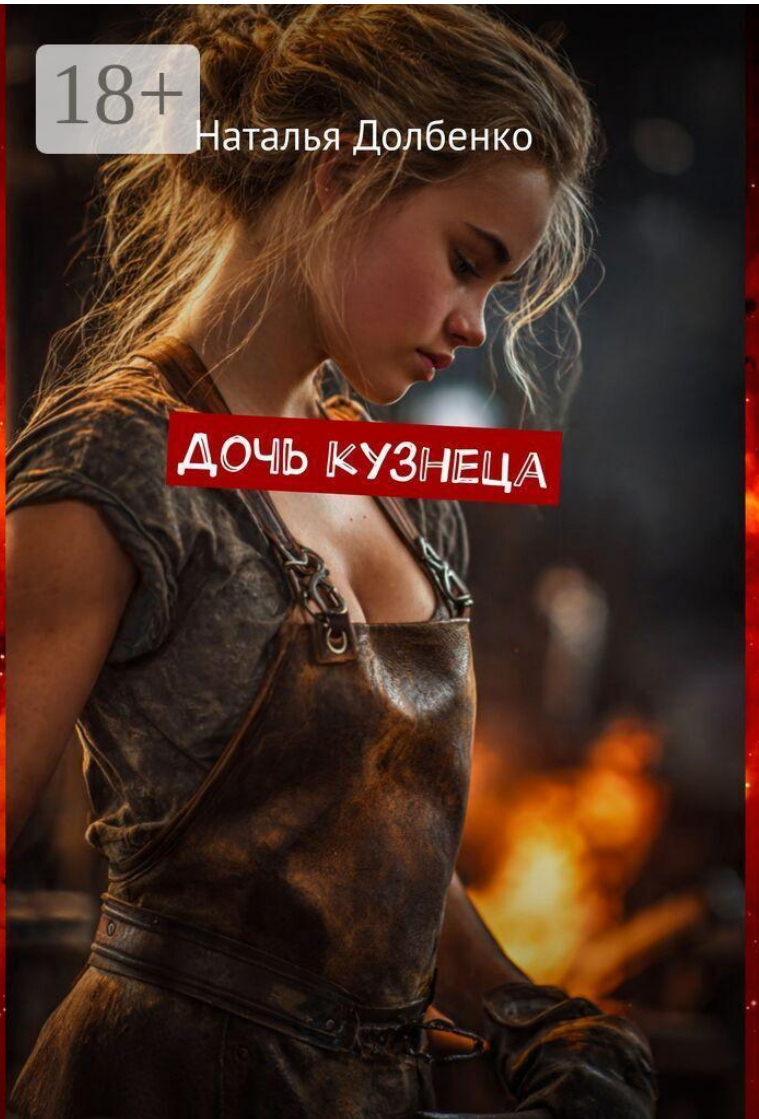

18+

Наталья Долбенко

ДОЧЬ КУЗНЕЦА

Наталья Долбенко

Дочь кузнеца

<https://litres.ru/74147419>

ISBN 9785006989849

Аннотация

Сборник пронзительных историй о любви, выборе и тайнах судьбы, где ни одна встреча не бывает случайной.

Дочь кузнеца и знатный граф, барин и загадочная цыганка, крестьянин, связанный невидимыми узами, гордая барышня и повариха, сельская учительница и купец — их судьбы переплетаются в мире, где чувства сильнее разума, а решения меняют всё.

Любовь возвышает или разрушает, а истина открывается через испытания.

В этой книге вы проживете каждую историю, оставаясь в напряжении до последней строки.

Содержание

Сельская учительница	5
2	9
3	14
5	25
6	32
7	41
8	48
2	57
3	64
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Дочь кузнеца

Наталья Долбенко

Оформление обложки <https://chatgpt.com/>

© Наталья Долбенко, 2026

ISBN 978-5-0069-8984-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сельская учительница

1

Вяземское.

Там, где Уссурийская тайга отступала перед широкой колеёй строящегося Транссиба, лепилось к берегам речки Вязи селение Вяземское — не город ещё, но уже и не простая деревня.

Дома, в основном низкие, рубленые, с палисадниками, где буйно цвела сирень, вытянулись вдоль единственной улицы, утопавшей в грязи после дождей. Над ними возвышалась новая железнодорожная станция — деревянная, но горделивая, с часами на фасаде. Здесь, у рельсов, как раз и кипела жизнь: скрипели телеги с грузами, орали возчики, а из трубы паровоза, стоявшего под парами, валил чёрный дым.

Основным населением здесь были казаки, что вечно слонялись в затасканных мундирах — селение было станицей Уссурийского казачьего войска. Они похаживали по базару, щупали зерно и поглядывали на китайских торговцев, раскладывавших на земле шелка да сушёную рыбу.

Второй категорией были строители Транссиба — русские мужики в рваных поддёвках и ссыльные (поляки, украинцы), сгрудившиеся возле кабака «У Дарьи». Там за пяточок нали-

вали сивухи, а за три — чай с лимоном «для приличия».

Женщины в цветных платках гоняли по улице гусей, ребятишки постарше таскали вёдрами воду из колодца, хотя все должно было быть иначе.

В воздухе стоял стойкий аромат хвои от свежеспиленных брёвен в перемешку с вонючей махоркой, что неслась из казарм рабочих.

Со станции доносился гудок паровоза, а из леса — вой волков по ночам.

В популярной лавке купца Соловьёва продавали гвозди, ситец и леденцы «петушки». Приезжие могли посмотреть в казачьей управе выцветшую карту Приморья, что висела над столом у писаря, а в его чернильнице вечно плавала очередная дохлая муха.

По воскресеньям в часовне звонили в колокол, но мужики чаще шли не на службу, а на охоту за кабанами или соболями, мех которых потом можно было продать китайцам.

Городок или деревня? 1900 год. Это, точнее, был перевалочный пункт между дикостью тайги и цивилизацией. Ещё не город, но уже «место с будущим», где пахло дёгтем, порохом и деньгами. Через 17 лет здесь пройдёт гражданская война, а пока... Пока Вяземское жило мечтами о железной дороге, которая сделает его богатым местом. Но пока сюда ходили поезда только из Хабаровска.

«Дорога будет — вот тогда мы и заживём!» — говорили местные. И ждали.

На лодке по Амуру путь от Вяземского до Казакевичево занимал гораздо меньше времени — около 1—1.5 суток при благоприятных условиях.

И было два речных способа: прямой путь по воде — расстояние около 120—150 км (в зависимости от изгибов реки). Течение Амура в этом месте помогало плыть вниз по реке, сокращая время. И второй способ — на вёслах — при скорости 8—12 км/ч выходило лишь 12—18 часов без остановок. Вот почему на лодке было быстрее. А если уж у кого была паровая лодка, то получалось ещё быстрее.

В то время еще не решили проблемы сухопутного пути: дороги были грунтовые, размытые дождями. И телеги двигались со скоростью 20—30 км в день, потому и поездка занимала целых три дня.

От пристани у Вяземского (рядом с железнодорожной станцией) садились на паром или в лодку и трогались. А у реки были свои сюрпризы: мели и коряги в протоках. Кто отваживался плыть на лодках, могли перевернуться от волн встречных пароходов. Но такое происходило не часто. А если плыли на вёслах, останавливались у казачьих постов или рыбацких станов. Так что лодка была дешевой и разумной альтернативой, особенно летом. Если кто спешил — они всегда могли выбрать речной путь.

Пароходы на Амуре в начале XX века были главной артерией сообщения — грузовые, почтовые и редкие пассажирские рейсы связывали разбросанные по берегам селения.

Типичное амурское судно тех лет было деревянным или стальным, одно- или двухпалубным, с высокими бортами и трубой, из которой валил чёрный дым, с плоским дном для мелководья.

В Казакевичево, куда из Вяземского добирались три дня по тайге на телеге, стоял особняк отставного капитана Григорьева Федора Андреевича — человека с седой бородой и тростью из чёрного дерева. Он, говорят, в молодости был красавцем, служил в Петербурге, а под старость выстроил одноэтажное училище для крестьянских детей. Школа была бревенчатая, но с высокими окнами — гордо именовалась «Народной». Там учили не только грамоте, но и черчению — этот предмет он лично преподавал, а на стене висел портрет царя-освободителя Александра II.

Капитан был мужчина видный, статный, и седина, казалось, только его украшала. Детей у него не было — поговаривали, жена бросила, когда он с военных действий вернулся хромым. С тех пор он так и остался одиноким. Но воспитывал племянника Алексея от младшей сестры, что скончалась от туберкулёза после того, как получила известие с фронта, что ее муж погиб — служили с ее братом в одном полку.

После ранения Федор Андреевич распродал свои земли под Саратовым и перебрался в тайгу, подальше от щегольства и людских сплетен. Временами навещал в Хабаровске своего друга и тезку Давыдова Федора Андреевича. Многие не верили и спрашивали: вы, что ли, братья? Они крутили ус, прищуривая хитро глаза, и кивали.

Но на самом деле они встретились на палубе парохода, когда оба путешествовали по Волге. Слово за слово, нашли много общего, так и подружились. Затем каждый вернулся в свою жизнь. И через пять лет они неожиданно столкнулись в трактире «Амур».

Из его записей в дневнике мы помним:

«В «Гранд-Отеле» решались судьбы контрактов на строительство Уссурийской железной дороги, а молодые поручики, краснея, заказывали шампанское для актрис местного театра. Здесь же, за угловым столиком, сживал и сам генерал-губернатор Сергей Духовской, попивая крымский портвейн и обсуждая с купцами «китайский вопрос»...

Цены (1895 год) были мне по карману: обед из трёх блюд с вином — 1 рубль 50 копеек. Бутылка «Шато Лафит» — 5 рублей. Рюмка английского джина — 30 копеек.»

Ну если бы наш герой был просто скромным учителем или казачьим офицером, то он мог бы выбрать трактир попроще, но для «благородного» общества «Гранд-Отель» был единственным допустимым вариантом.

В 1890-х годах в Хабаровске, как и во многих городах Российской империи, существовала строгая градация питейных заведений. Для офицеров, чиновников и зажиточных купцов посещение кабаков было неприемлемо — они предпочитали «ресторации» или «трактиры первого разряда». И самым приличным заведением того времени был ресторан «Гранд-Отель» при гостинице «Тигр», что располагался на

улице Муравьёва-Амурского, главной артерии города. Клиентура там была в основном из офицеров Генерального штаба или чиновников канцелярии Приамурского генерал-губернатора. Бывало хаживали туда и купцы 1-й гильдии, торговавшие чаем или золотом. А белоснежные скатерти, фарфор с вензелями «Г.О.», венские стулья и зеркала в золочёных рамах, и стоявший даже в углу рояль, на котором по вечерам играл тапёр или иногда приезжие артисты, напоминал знатокам шик и лоск столичных заведений.

Что касается меню и напитков, тот тут, наверное, местные повара могли уступить лишь императорским. Бутылки «Мадеры» и «Хереса» привозились напрямую от поставщиков императорского двора. К таким винам соответствовали и закуски: осетрина «ботарга», копчёный хариус, икра «паюсная». Горячими блюдами были стерлядь в шампанском или дичь в сливочном соусе. А на десерт — ни что иное, как французские трюфели и заварные пирожные.

Будучи вдали от петербургских изысков, местная знать старалась украсить свое пребывание здесь всевозможными развлечениями. Но и правила в таёжных уездах были суровее, под стать здешним морозам и снежным ураганам. Женщины допускались в ресторан только в сопровождении мужчин. А после 23:00 подавали только чай и кофе (по требованию губернатора).

И хотя оба Федора могли позволить себе пару раз в месяц побаловаться «тигровой» Мадерой, их, по простоте ны-

нешней жизни, занесло в одно и то же время в трактир для инженеров, журналистов и прочих заезжих коммерсантов — неплохая альтернатива для менее знатных.

Трактир «Амур», как и предыдущий ресторан, мог похвастаться не только посещаемостью и отменным ячменным пивом. Его фишкой была бильярдная и почти свежие газеты из Петербурга. И именно у пивной стойки и столкнулись бывшие приятели. Узнали друг друга, обнялись. Давыдов рассказал, что поселился тут три года назад, вложил в строительство железной дороги. Часть дохода от облигаций тратит на обучение осиротевших или обедневших дворянских девочек. И сам от скуки преподаёт литературу в этой же местной женской гимназии.

Уже тогда и зародилась у второго Федора идея организовать школу для детей крестьян в своей глухомани, а учительницей сделать одну из выпускниц этой гимназии. На том и порешили.

Следующая их встреча прошла в чайной «Под якорем» — тихое место для тех, кто «не пьёт, но хочет быть в обществе», где чай с лимоном стоил 15 копеек и безалкогольный сбитень с мёдом — 30.

Идея создавать школы для детей строителей и местного населения, шевелила умы не только этих двоих. Такие школы действительно открывались на средства меценатов (часто — отставных военных или купцов). Ближе к Хабаровску были и другие варианты (например, село Князе-Волконское),

но в Казакевичево жил наш отставной капитан. Так что школе там суждено было появиться.

В окрестностях Вяземского в начале XX века ближайшим значимым селением, где могли образовать школу, открытую меценатом, было как раз это село Казакевичево, что располагалось в 50 верстах от Вяземского, вниз по Амуру.

Это было крупное казачье село с церковью и школой, основанной еще в 1858 году, но плохо и не всегда работавшей. А в последнее время здесь стали располагаться имения зажиточных переселенцев и отставных офицеров, которые жертвовали на образование.

Григорьев достроил школу, сделал два кабинета, для де-творы и взрослых, которые решались обучиться грамоте. И только посмеивался над ворчанием местного попа, отца Николая, который только и повторял, что «мужикам латынь ни к чему», но барин настаивал: «Пусть хоть таблицу умножения знают!»

И по воскресеньям ученики хором пели «Коль славен наш Господь в Сионе», а казаки поначалу смотрели на это с подозрением — не выйдет ли из грамоты бунта? Потом поняли, что угрозы в этом нет и стали отпускать и своих детей на уроки.

В архивах Приамурского края сохранилось не мало свидетельств активности тамошних меценатов. Но наша история не совсем об этом...

Хабаровская женская гимназия.

В небольшом, но амбициозном Хабаровске — столице Приамурского генерал-губернаторства стояла трехэтажная кирпичная женская гимназия (или частный пансион для благородных девиц) — она была единственным местом, где девушки из обедневших дворянских семей могли получить приличное образование. Сюда отправляли дочерей разорившихся помещиков, перебравшихся в Сибирь «за лучшей долей», сирот офицеров, погибших на службе, бесприданниц, чьи родители надеялись, что образование поможет им удачно выйти замуж за чиновника или коммерсанта.

На первом и втором этаже находились классы и актовый зал, на третьем были комнаты учительниц. Классы были просторными, с чёрными грифельными досками и журналом поведения, куда записывали опоздания и прогулы.

Внутри повсюду висели портреты императрицы Марии Фёдоровны (покровительницы женских школ), местного архиерея и иконы святых.

Также на первом этаже находилась и скромная домовая церковь, где по воскресеньям читали «Закон Божий».

Деревянное, но просторное общежитие с высокими окнами и парадным крыльцом, утопало в сирени. Здание находилось тут же, на огороженной территории пансионата. Спаль-

ни для пансионерок были рассчитаны на четырех человек в каждой комнате. А в фойе располагалась библиотека, где девушки могли проводить время за чтением.

Учились девочки за казённый счёт по ходатайству губернатора или за скромную плату — 50—100 рублей в год (для сравнения: корова тогда стоила 60 рублей).

Программа обучения сочетала светское воспитание и практические навыки, ведь многим выпускницам предстояло зарабатывать себе на жизнь самостоятельно, сиделками или гувернантками. Потому и обязательными предметами тут были русский язык и литература (с упором на Пушкина и «нравственные» повести), арифметика и география (без высшей математики, но с картами империи), французский язык (для «благородного» общения), Закон Божий (основы православия), история (с акцентом на подвиги царей и героев). И еще лет пять назад ввели здесь особо женские дисциплины: рукоделие (вышивка гладью, вязание кружев, чтобы могли подрабатывать уже во время учебы), рисование и музыка (игра на фортепиано стала обязательным навыком для будущей жены уездного чиновника), домоводство (любая уважающая себя госпожа должна была знать как вести хозяйство с одной служанкой).

Но и это еще не все. Директор и меценат Авдеев дополнил в обучение особые навыки для Дальнего Востока. Он пригласил из клиники доктора преподавать основы медицины (девушек учили делать перевязки, ухаживать за больными

— многие выпускницы после этого пошли в сестры милосердия).

Один из обосновавшихся в городе китайцев предложил обучать китайскому языку факультативно, за отдельную плату, для тех, чьи родители торговали с Харбином.

Распорядок дня здесь был строгим. В 7:00 — подъём, молитва. С 8:00 до 12:00 — уроки. На обед давали щи или уху, гречневую или пшенную кашу, травяной чай или компот. Между 14:00 и 16:00 часами — занятия музыкой и рукоделием. Полчаса шло на отдых и уже в 16:30 давали чай с булкой. До 20:00 предоставлялось время на подготовку уроков. А дальше — на свое усмотрение. Но после восьми вечера девушки были настолько измотаны, что рано ложились спать.

И больше всего пансионарки боялись наказаний: стоять на коленях в углу на горохе было просто убийственным. А запись в «чёрную книгу» могла вообще испортить все шансы на хорошее замужество.

Судьбы выпускниц были predeterminedены. Удачные — выходили замуж за чиновника, офицера или купца (особенно ценились те невесты, кто знал французский). Трагичные — работали гувернантками в богатых домах или учительницами в сельских школах. Были и исключения. Некоторые уезжали в Харбин или Шанхай, становясь переводчицами или компаньонками.

По мемуарам одной из выпускниц узнаем их общее настроение:

«В классах пахло мелом, чернилами и дешёвой розовой водой, которой девушки старались замаскировать отсутствие духов. Мы перешёптывались на переменах о романах Лидии Чарской и мечтали о двух вещах: выйти замуж или уехать „в Россию“ — туда, где были балы, а не бесконечная тайга за окном...»

В Хабаровской женской гимназии (или аналогичном заведении для «благородных девиц» начала XX века) девочек принимали с 8—10 лет, но существовала чёткая возрастная градация.

Подготовительный класс начинался с 8—10 лет. В обучение входило: азы чтения, письмо, счёт, простейшее рукоделие. Младших учениц называли «коричневками» (по цвету форменных платьев с белыми фартуками). Основное внимание уделяли дисциплине и «благовоспитанности».

Основной курс был уже с 10—16 лет. И тут полная программа шла с языками, музыкой и домоводством.

В 16—17 лет после 7—8 лет обучения девушки сдавали выпускные экзамены на звание «домашней наставницы».

Опоздавших девочек из глухих станиц могли принять и в 12—13 лет, но они попадали в младший класс, что считалось позорным. Сирот и бесприданниц часто отдавали раньше (с 7 лет), чтобы снять с семьи обузу содержания.

Испытания проходили в мае—июне, перед выпуском. В торжественной обстановке с участием попечителей, священника и почётных гостей: губернатор, офицеры местного гар-

низона.

Экзамены делились на обязательные и дополнительные (для получения звания «домашней наставницы»). К обязательным относились русский язык и литература. Давалось письменное сочинение на моральную тему «Долг женщины перед Отечеством». Устно сдавали разбор произведений Пушкина, Лермонтова, Тургенева по выбранному билету.

Арифметика — сюда входило решение задач на проценты, пропорции и вычисление приданого.

На экзамене по Закону Божьему проверяли чтение на церковнославянском, и объяснение молитв.

Французский или немецкий язык (для второго иногда не находилось учителя) требовал правильного перевода текста, умение вести диалог с преподавателем, например, «Как пройти в библиотеку?».

По истории задавались вопросы про «подвиги царей» и «роли женщин в истории России».

Дополнительные экзамены (для аттестата «с отличием») включали: рисование (хватало акварельного натюрморта), музыку (исполнение пьесы на фортепиано — обычно Шопен или Глинка), рукоделие (демонстрация вышивки гладью или кружева).

Письменные работы писали в большом классе под надзором классной дамы. Устные ответы принимали в актовом зале перед комиссией. Девушки вытягивали билеты с вопросами.

Практические испытания (рукоделие, рисование и музыка) проводились в присутствии дам-благотворительниц.

4

Сам Хабаровск (сначала Хабаровка, а с 1893 г. — Хабаровск) был уездным центром.

Галантерейный магазин тут (1890—1900-е годы) был самым излюбленным дамским местом.

Для выпускницы женской гимназии, особенно из обедневшей дворянской семьи или бесприданницы, эта лавка была местом, где можно было найти скромные, но «благородные» вещи, чтобы поддержать репутацию «воспитанной барышни».

Для рукоделия (обязательный навык благородной девушки) там продавались бельевые ткани: батист, кисея, голландское полотно (для шитья сорочек и носовых платков); вышивальные принадлежности: шёлковые нитки, упакованные в коробочки по цветам, кружева «валансьен» и «брюссельские» (для отделки воротничков), иглы английской фирмы «Зингер», деревянные и с винтом пяльцы.

А для личного туалета — огромный выбор воротничков и манжетов (отдельно, чтобы менять их на платье), атласные ленты (чёрные для траура, голубые для девичества), перчатки на пуговицах, чулки шерстяные для зимы и шёлковые для балов).

Косметических и гигиенических товаров с оглядкой на скромность было тоже в большом ассортименте. Мыло

«Нестор» с лепестками роз, пудра из рисового порошка в жестяных коробочках, флакончики духов «Фиалка» или «Белая сирень» от Брокара.

Приходили девушки к галантерейщику покупать и письменные принадлежности — им их не выдавали в старших классах. А особо бедные шили постельное белье, за что получали копейки на мелкие расходы.

На витрине лежала даже стопка конвертов с траурной каймой на случай печальных известий. В медном ящике стояли стальные перья и с позолотой. Продавались фиолетовые чернила «Гербарий».

Мелкие «престижные» вещицы восхищали воспитанниц гимназии: деревянные складные веера и бисерные, с монограммой кошельки были у каждой.

Елена Астахова, семинаристка, бесприданница, но отличница, посчитала свои сбережения и позвала Софью Благую, соседку по комнате, пойти вместе в лавку закупить нужных вещей. Им предстояло сдавать выпускные экзамены, а дальше смотреть в будущее, которое пугало и зависело от оценок, что им поставят.

Софья, менее успешная в учебе, но более прилежная в игре на фортепиано и в рисовании, планировала найти семью с ребенком, которого будет обучать нотам или пейзажам. Но чтобы произвести приятное впечатление на экзаменаторов, стоило выглядеть опрятно на собеседовании гувернантки и получить поручительское письмо от комиссии. А для этого

надо было, как минимум, заменить поломанные пуговицы на перламутровые для обновления старого платья, и сменить кружевной воротничок.

Девушка тоже посчитала свои сбережения и подумала вслух:

— Что могла бы купить выпускница гимназии на эти гроши?

Елена откликнулась:

— Скромный набор для вышивания.

— Ты хочешь зарабатывать уроками рукоделия? — обернулась Софья, вставая со стула.

Елена развела руками:

— Все ж это лучше, чем ничего. А вдруг я не найду работу сразу?

Подруга пошивырялась в своем комодe и прикинула докупить пару перчаток за 50 копеек, моток шёлковых ниток за 20 копеек и любимое мыло «Нестор» — 15 копеек.

Елена решила купить себе кружева и что еще захочется.

В тесной лавке пахло крахмалом и лавандой. За стеклянными витринами лежали коробки с нужными кружевами, а хозяйка — жена отставного чиновника — посмотрела на юных покупательниц свысока:

— Вам, барышни, этот воротничок точно не по карману, возьмите вот этот, подешевле...

Выпускницы покраснели, пересчитали медяки и ушли с маленьким свёртком, который берегли до первого выхода в

свет.

Софья вздохнула:

— Мне только и остается, что мечтать вон о той шляпке с вуалью. Интересно, я смогу ее себе когда-нибудь позволить?

Елена проще смотрела на жизнь и верила, что купленный ею сейчас флакон «Фиалки» — единственная роскошь, которую она себе разрешила, чтобы пахнуть «как барышня», — только откроет ей путь к возможностям.

Алексей, племянник Григорьева, высокий дородный парень с густой каштановой шевелюрой, покупал напротив магазина галантерейщика выпуск «Амурских новостей» и ждал своего приятеля Николая Елисеева. Посмотрел на часы — тот запаздывал.

Из угла дома слышался скрип дрожей и конский топот.

— Наверное он.

И предположение оправдалось.

Такого же высокого роста, широкоплечий, темно русский парень лет 26 соскочил на землю, крикнув извозчику «спасибо» и бросился к другу, хлопнув его по плечу:

— Заждался?

— Да ну тебя, — фыркнул Алексей, дернув газетой. — Я пока тебя ждал, успел все новости перечитать.

Елисеев понял, что приятель преувеличивает, и потому не придавал легкой обиде никакого значения.

— Ну так рассказывай, — начал он энергично. — Когда

выпускной? Что говорит твой дядя? Мы приглашены?

— Ну, дядя может и задержится, не приедет, но его друг, который преподает в гимназии литературу и подкидывает им средств, дал нам по приглашению. Так что все, готовься танцевать!

— Вот этого я и ждал от тебя! Ты молодец! — снова хлопнул его по плечу.

В этот момент из галантереи вышли Елена с Софьей.

— Ого! — воскликнул Елеисеев. — А вот и девчонки! Кого берешь? Я вон ту, повыше, с тонкой талией, — указал на Астахову.

— А чего это ты распоряжаешься с кем танцевать? — взъерепенился Алексей, хлопнув друга по спине свернутой газетой. — Может она тебе вообще откажет?

— Мне, и откажет?! — рассмеялся Николай. — А давай спорить.

— На что?

— Спорим, что на выпускном балу в гимназии она будет танцевать со мной — я первый, кто ее пригласит и она мне не откажет.

— А если откажет или кто-то другой тебя опередит, например я? — усмехнулся парень.

— Ну тогда проигравший отдаст другому тулуп.

— Ну ты даешь?! — удивился Алексей. — Из-за девчонки какой-то тулупами раскидываться.

— Так я в себе уверен. Тулуп мой будет.

— А я вот сейчас подумал и решил, какой выделки тулуп я получу.

Оба рассмеялись и ударили по рукам.

Как Софья не успокаивала Елену, что та и так отличница, Астахова волновалась больше всех.

По литературе ей достался билет с вопросом «Как героиня „Евгения Онегина“ Татьяна Ларина воплощает идеал русской женщины?»

Она задумалась, покраснела и ответила:

— Татьяна — это прообраз наших выпускниц гимназии. Она так же наивна и чиста, так же смотрит на мир с доверием. Для нее не существует условностей и жестких правил. Только веление сердца. Страх осуждений? — Нет, она не задумывается о чужом предвзятом мнении, потому что современная женщина должна уметь постоять за себя, за свою любовь. Она умеет быть гордой и в тоже время не боится унизиться, сказав свое мнение.

Федор Андреевич довольно кивнул и пошептался с остальными экзаменаторами. Галочку поставили.

Задача по арифметике была не сложной: «Приданое невесты составляет 1200 рублей. 25% этой суммы идёт на бельё, 40% — на посуду. Сколько остаётся на прочие нужды?»

Елена записала:

«Приданое: 1200 рублей.

На бельё: 25% от 1200 = $0,25 \times 1200 = 300$ рублей.

На посуду: 40% от 1200 = $0,40 \times 1200 = 480$ рублей.

Всего потратили: $300 + 480 = 780$ рублей.

Осталось на прочие нужды: $1200 - 780 = 420$ рублей.

Ответ: 420 рублей остаётся на прочие нужды.»

На рояле она сыграла Моцарта.

Результаты зачитали всем на следующий день. Успешно сдавшим вручили синий обычный аттестат — его получила и Софья. Елене и еще двум девушкам — красный, с отличием. Не сдавшим пятерым разрешили переэкзаменовку осенью, а если опять не сдадут — оставят на второй год.

Звание для отличниц «Домашняя учительница» давало право преподавать. Остальные могли устроиться секретарями. Кто-то из выпускниц уже подписал контракт на работу медсестер в военный госпиталь.

Давыдов подошел к Елене, поздравил с дипломом и предложил остаться:

— Если вы хотите получить звание «Домашней наставницы», то это требует дополнительного года обучения. Вы можете остаться.

— Спасибо, я подумаю, — улыбалась счастливая девушка.

— Ну подумайте до выпускного бала. Тогда я вас еще раз спрошу.

— Спасибо, — поклонилась преподавателю и поспешила поздравить других сокурсниц.

Девушки и радовались, и плакали. За эти годы они успели сдружиться, сто раз перессориться и помириться, а теперь

им предстояло расстаться, и может быть навсегда.

После экзаменов на второй день назначили бал с вручением ценных памятных подарков.

По традиции, введенной именно в этот год, выпускной акт с молебном, вручением книг (обычно Некрасов или «Домострой» в роскошном переплёте — Елене достался второй) организовывали в губернаторской ложе и созывали выпускников не только женских гимназий, но и военно-инженерного училища. Это был отличный повод сэкономить на мероприятии и заодно познакомить молодых людей.

Позже, в своих дневниковых записях Софья сделает заметку:

«Самые бедные выпускницы уезжали из города почти сразу после бала — их ждали места гувернанток в купеческих семьях в новообразованных поселках. И я была в их числе. Те, у кого были надежды на замужество, оставались в Хабаровске, бережно храня аттестат в комодке рядом с единственным шелковым платьем...»

Прошлогодний бал проходил в зале гимназии и был посредственным: кадрили под рояль, скромные угощения в виде морса и пирожных. А в этот раз девушки аж побледнели от раскрывшейся перед ними роскоши. Высокие белые колонны, мраморные фигуры античных богов, хрустальные вазы с тюльпанами, на столиках горячий шоколад, эклеры и барбекю из стерляди.

— Наверное, кто-то из родителей военного училища по-

старался, — шепнула Софья подруге.

Елена поддакнула: у кого еще могло оказаться столько средств.

Девушки прошли в зал и скромно присели в дальний от входа угол на бархатные стулья с резными спинками. Оттуда им удобно было наблюдать за тем, кто входит, кто с кем общается, обсуждали кто во что нарядился.

Когда зал уже наполнился выпускниками и гостями, заявились двое спорщиков. Николай поискал глазами Елену и кивнул приятелю:

— Вон она. Будем ждать начала танцев.

Алексей пожал плечами:

— А почему ждать? Сходи сейчас познакомься.

Елисеев хмыкнул, приподняв брови:

— А ты прав, не успею, так тулупа лишусь.

Он уже решил подойти к девушке, как раздались громкие аплодисменты: губернатор торжественно объявил о начале бала. Отличникам раздали богато украшенные книги, а остальным по часам и записной книжке с пером.

— Вот теперь пора, — подтолкнул приятеля Алексей. — Беги, а то начнется танец.

Николай подскочил к подругам, которые весело щебетали, разглядывая подарки, и уже протянул руку, чтобы представиться, как дорогу ему загородил седеющий мужчина в черном сюртуке.

— Елена Николаевна! — позвал он Астахову.

— О, я Николай, а она Николаевна, — удивился Елисейев.

— Это отличный знак!

— Федор Андреевич, — поприветствовала она учителя литературы. — Как здорово, что и вы здесь.

Давыдов поздоровался и с Софьей, пожелав ей удачи.

Чуть отведя девушку в сторону, он в некоем смятении начал:

— Я предлагал вам остаться еще на год. Что вы решили?

Елена пожала плечами:

— Это было бы отлично, если бы не нужда. Я и так долго была нахлебницей, пора потрудиться.

— Значит вы передумали?

Она кивнула.

— А вы уже решили куда пойдете на службу?

Астахова глубоко вздохнула:

— Пока еще нет. Но я думаю это будет не трудно.

— Замечательно! — воскликнул он и улыбнулся. — У меня к вам предложение.

— Да? Какое? — она насторожилась от волнения.

— У меня есть друг, отставной военный. Кстати, его тоже зовут как и меня.

— Федор Андреевич? — расплылась в довольной улыбке, словно сам учитель решил остаться с ней.

— Да. Он живет в Казакевиче, почти рядом от Вяземского. Селение пока не большое, но будущее для него перспективное. Он открыл школу и туда требуется учитель. Зарпла-

та пока маленькая, всего 15 рублей в месяц, но со временем он прибавит до 20—25.

Елена раскрыла рот. Давыдов перебил:

— Не спешите с ответом. Если вам этого мало и вы боитесь, что вам столько не хватит, то не волнуйтесь. Григорьев — так его фамилия — предоставит вам бесплатно дом с участком и с помощницей, и дрова. А остальное — все дешевое там. Что думаете?

Елена вся зажалась: с одной стороны она беспокоилась о поиске работы, и тут неожиданно поступило предложение. С другой — как и любой выпускнице, ей хотелось бы остаться в городе, но пришлось бы самой искать купеческую семью или ходить по собеседованиям в канцелярию.

— Да, я поеду, — вырвалось самопроизвольно, что она сама удивилась своему решению.

Мужчина обрадовался и вытащил красную купюру с Петром I.

— Это вам на дорогу. Езжайте первым классом, с удобствами, чтобы безопасно было. Доедите до Вяземского, а там вас встретят.

— 10 рублей?! — изумилась Елена и сделала шаг назад. — Я не могу взять, это много!

— Да что вы такое говорите, девочка?! — принял попечительный тон воспитателя. — Считайте это авансом, — и всунул ей купюру в ладонь.

Девушка зажала деньги и робко улыбнулась:

— Ну если аванс, тогда ладно.

— Тогда дело заметано. Сегодня же я телеграфирую Григорьеву что вы едите.

Только он отошел, подскочил Елисеев:

— Поздравляю! Не успели отучиться, уже заработали прямо на балу!

— Что?! — оскорбилась Елена. — Да как вы смеее такое говорить? Это...

Тут подоспел и племянник Григорьева, попытался нейтрализовать недопонимание:

— Я извиняюсь за приятеля. Он просто не так выразился.

— Я и вижу, не так выразился, — фыркнула Астахова и отвернулась.

Заиграла музыка.

— Кадриль! — раздалось громкое и кавалеры поспешили пригласить девушек на танец.

— Ну пробуй, — усмехнулся Алексей.

Николай, получив штрафной, с опущенной головой встал напротив Елены и протянул ей руку:

— Может помиримся и потанцуем?

Она окинула его пренебрежительно и хмыкнула:

— Я не танцую.

— Хех, — усмехнулся Алексей, подмигивая: — тулупчик мой.

И тут же пригласил обрадованную Софью.

Елена пришла на пристань с небольшим чемоданом и встала у кассы.

Хабаровск располагался на реке Амур, а Вяземский район стоял ближе к реке Уссури, притоку Амура. Поэтому, чтобы попасть именно речным путём от Хабаровска до Вяземского, пароходы шли вверх по Амуру и затем могли использовать бассейн Уссури (в разное время навигации и по пересадкам на суда по притокам). К тому же, девушка предполагала, что если ее не встретят в Вяземском, то придется самой искать очередной пароход до Казакевича.

— Расстояние по суше от Хабаровска до Вяземского около 130 км по прямой, — прикидывала она в уме. — Речные пароходы ходят достаточно медленно, вероятно со средней скоростью не выше 10—12 км в час, да и то в зависимости от течения, погоды и навигации. А это значит, что мой путь по воде займет 10—15 часов или более, особенно учитывая остановки в портах и перевалку через притоки. Не лучше ли было все же отправиться поездом? Через 6 часов я бы уже была в Вяземском, а оттуда бы и покаталась по речке.

Вытащила кошелек и еще раз пересчитала деньги.

— 1-й класс: каюта с койкой и питанием на пароходе стоит 3—5 рублей. 2-й класс (место в общем зале) — 1.5—2 рубля. 3-й класс (палуба, без удобств) — 50 копеек — 1 рубль. По-

ездом будет подороже: 3-й класс (деревянные лавки) — 1,5 — 2 рубля, 2-й класс — 3 — 4 рубля, а на 1-й класс вообще редко билеты достанешь, да и то для чинов — 5—6 рублей. Если я поеду на палубе без удобств, сэкономлю целый рубль. А это уже не мало...

Присела на свой чемодан и зажалась от резкого порыва ветра:

— Правда, ехать намного дольше... Без удобств... Но я выдержу. Что мне удобства: и на чемодане посижу.

Билеты продавались в конторе Управления Амурского пароходства или у старшего помощника на пристани. Она встала и подошла к кассе. Там рядом висело расписание и название судов.

«Капитан Корсаков» (почтово-пассажирский) отходит в 7:00 и в 17:00.

«Амур» (грузовой, с местами для переселенцев) отходит в 9:00 и в 21:00.

Время в пути: 10—15 часов (вниз по течению) или сутки (если против).

На грузовой билеты были чуть подешевле, но отходил позже и Елена решила плыть на пассажирском.

Барышни с котомками, дамы с зонтиками и няньки с капризными детьми заходили на

верхнюю палубу для пассажиров 1-го класса: крытую галерею с плетёными креслами.

С легкой завистью Астахова смотрела им вслед. Прошла

мимо высокой, с медными трубами голосовой связи в машинное отделение, капитанской рубки на нижнюю палубу для грузов и пассажиров 3-го класса, где для них стояли деревянные лавки под брезентом.

По школьной привычке все высчитывать, сразу прикинула длину корпуса парома — около 60 метров. Ярко-красная с черными полосами окраска бортов, облупившаяся от частых штормов, создавала ненадежное впечатление. Девушка обратила внимание на стоявший поодаль грузовой паром, что ждал своего отплытия, легко покачиваясь от сильного течения. У него и винт уже был, как у более новых моделей, а на ее «Капитане Корсакове» все еще стояли гребные колёса по бокам.

Села на лавочку с краю, чтобы удобнее смотреть на берега. Зазвонил колокол отправки. Какой-то грузчик кинул мешок с картошкой почти ей под ноги. Елена сначала хотела возразить, но тут же по-детски хихикнула себе: будет куда поставить ноги, чтобы не затекли.

Ветерок трепал волосы. Народ галдел. Повсюду слышались то обрывки рассказов бывалых переселенцев о «золотых приисках», то об пасностях и пьяных драках в трюме, особенно среди рабочих-сезонников, а то и страшали пожарами на деревянных палубах, что время от времени случались из-за искры из трубы.

В общем, Елена, наслушавшись страшилок, решила отвлечься чтением и достала томик любовных романов Ксении

Заволоцкой, что была в ту пору в моде у девушек.

Перед глазами поплыли образы рыцарей и прекрасных дам, за которых приходилось сражаться на дуэлях.

Запахло щами с солониной. Девушка повела носом:

— Сейчас бы поесть, — мелькнуло в голове.

Отправилась проверить буфет. Там подавали щи со сметаной, гречневую кашу, жареную рыбу и чай с баранками. Елена взглянула на меню:

Щи со сметаной. Цена: щи из свежей капусты — 5 копеек в глиняной миске, щи кислые в жестяной миске — 7 копеек, сметана — за доплату 2 копейки.

Гречневая каша. Цена: 4 копейки и 6 копеек (с маслом)

Елена облизнулась: масло девочки считали «роскошью» — без него дешевле.

Жареная рыба, поджаренная на сале, с хлебом. Цена: 10 копеек — угорь. 15 копеек — кета.

— Ох, — вздохнула Елена, втягивая рыбный аромат. — Самое дорогое блюдо в буфете, пожалуй, не возьму.

Чай крепкий, в стакане с подстаканником. 2 баранки включены. Цена: 5 копеек.

Итого за полный сытный обед, если взять всё перечисленное, выходило 22—33 копейки.

Астахова прикинула в голове:

— Это соответствует примерно одной трети дневного заработка рабочего, учительницы или чиновника, если месячная зарплата выходит в 15—25 рублей. Хм, допустимо, но

не дёшево.

За спиной послышался задорный голос торговца напитками покрепче. Бутылка водки у него стоила 35 копеек.

— Я же не зря не поехала на поезде, — посмотрела на сэкономленный рубль и решила купить рюмочку для храбрости: дальний путь в деревню пугал своей таежностью.

Подошла к стойке и попросила 50 грамм.

Усатый хитро прищурился:

— Вам казенную или хлебную?

Елена смутилась, не зная разницы во вкусе:

— А какая дешевле?

— Казенная 3 копейки, хлебная 2.

— Тогда хлебную.

Купила тарелку гречки без масла и кусок жареной кеты. Залпом осушила рюмку, сморщилась и попыталась зажевать обожженное горло кашей.

На верхней палубе играли в шашки. Какие-то пассажиры наблюдали за белыми цаплями на отмелях и рыбацкими лодками (местные ловили калугу и осетров).

Неожиданно раздались восторженные крики:

— Смотрите, медведи!

Елена резко обернулась:

— Где?

Мужчина за соседним столиком ответил:

— Они часто выходят к воде на рассвете, а сегодня, вон, припозднились.

Девушка лишь улыбнулась, встав и подойдя к поручню. Медведица и два медвежонка уже уходили в лес.

Пароход шёл медленно, петляя между мелями. Через пару часов пассажиры 3-го класса начали готовить еду на переносных коптилках. Полная крестьянка с раскрасневшимися щеками угостила Елену плотвой. В ответ девушка угостила ту сладкими сухарями с маком, что дала ей в дорогу повариха из гимназии.

— А почему ты на верхней палубе не поехала? — спросила Елену женщина. — Там все образованные мещане и чиновники сидят.

— Да я ж только закончила гимназию, еду детишек обучать в Казакевичево. Пока столько не зарабатываю.

— Правильно, — кивнула краснощекая и поправила платок на голове. — Деньги нужно экономить.

Так Елена и плыла, разглядывая проплывающие берега и впитывая запах табака, долетающего с верхней палубы, где курили папиросы.

Сейчас такие пароходы были символом цивилизации в диком краю. И Елена наслаждалась первой свободой. Теперь она сама должна была решать свои вопросы. Такие пароходы исчезнут после Гражданской войны, и о своем первом плавании она будет вспоминать с романтической грустью.

На пароме, к ее испугу, никто не встречал. Елена подошла к мужчине в фуражке и спросила когда следующий пароход до Казакевичево.

Тот оглядел ее с удивлением, помотал головой:

— Путь от Вяземского не короткий. Отправление обычно раз в 3—4 дня от другой пристани, что рядом с железнодорожной станцией.

— А когда же следующий? — нетерпеливо повторила.

— Да бог его знает, — почесал он затылок, сдвинув фуражку на лоб. — Может завтра отплывет, а может днем позже. Это уж как груз да пассажиров соберет. Он там еще две остановки сделает: Кукелево — казачья застава, и Радде, где загрузит дров для топки котла.

— И зачем мне знать все это? — подумала Астахова, а потом сообразила, что от скуки тут с каждым новым человеком поболтать хочется.

— Спасибо, — поблагодарила за помощь и хотела отправиться на вокзал.

Мужчина остановил ее:

— А у вас есть где ночевать?

Елена остановилась. Действительно, об этом она не подумала. Пожала плечами:

— Переночую на вокзале.

— Ну это не гоже, девушке, и одной.

Она согласилась.

— И что тогда делать?

К разговору присоединился купец:

— Она может поехать со мной. Я везу пшеницу, соль и сахар туда. Телега широкая. Жеребец сильный, еще одного

пассажира потянет, да и мне веселее будет.

— Э, нет, — запротестовал работник пристани. — Быстрее на пароходе: 1 день против 3—4 по бездорожью. Да и безопаснее: меньше риска нарваться на хунхузов, китайских разбойников.

Девушка вздрогнула при слове разбойники и точно решила с купцом не ехать.

— Пароход еще почему лучше телеги? — продолжалась дискуссия. — Можно лечь спать, не боясь волков или ливня.

Елена присела на краешек лавочки, пока мужчины обсуждали чем ей помочь. И в итоге к разговору уже присоединились еще трое. Один из которых порекомендовал обратиться к Матрене, местной швее.

— У нее большая хата и широкие сени с койками для таких вот приезжих.

Ничего другого не оставалось.

Зашли в горницу. Высокая женщина средних лет с обмотанной в несколько слоев русой косой махнула гостье проходить.

— Надо пойти отправить телеграмму Григорьеву, — гаркнула по-мужски сопровождающим Астахову и указала ей на табурет: — Садись, скоро вместе будем ужинать.

От отставного военного пришел ответ с извинениями, что пароход задержался и он не успел встретить учительницу. Но утром точно прибудет.

На этом все сомнения Елены рассеились и она заплатила

рубль за ночлег.

Утром к Матрене постучали, оповещая, что судно прибыло.

Елена поблагодарила за чай с молоком, за блины с кизилевым вареньем, распрощалась и отправилась знакомиться с работодателем.

Расписание часто нарушалось из-за поломок или тумана. А тут еще предстояла погрузка пшеницы и угля. Так что ей разрешили пройти на верхнюю палубу и там подождать отправления. Быт на пароходе был схожим, только судно казалось мельче предыдущего. Сам Федор Андреевич пожал Астаховой руку, несколько раз извинился за неудобства и ушел купить им сладостей в дорогу.

К полудню все было готово к отплытию и они отправились в Казакевичево.

Зима в тот год выдалась не столько суровая, сколько снежная, а в конце февраля вообще зачастили метели. Путников заметало вместе с их возами. Купцы боялись передвигаться и оставались с товаром в крупных поселках, не рискуя потеряться и быть съеденными волками.

— Соль заканчивается и запасы пшена, — подсчитывал Федор Андреевич, чтобы распределить на своих и еще выделить учительнице.

— Когда уж эти бури утихнут, — поскуливал его слуга Праскурий.

— Да не пищи ты, первый раз что ли зима наступила, — ворчал на него отставной капитан и усмехался: — Ну и причесон у тебя, как пакля. Ты давно вообще мылся?

Мужичок пытался расчесать сваленные пучки волос пальцами, рвал нещадно, сморщивался и бросал это дело.

— На мешок пшена, отнеси Елене Николаевне, а этот мешок отправь казаку Серьго.

Тот кивнул и отправился выполнять поручения.

Елена вернулась из школы вся заснеженная, озябшая и пожаловалась Устинье на пургу:

— Ни зги не видать, я чуть с пути не сбилась.

— Да вы, барышня, поосторожнее, — разохалась молодая крестьянка, приставленная жить в той же избе и помогать

учительнице по хозяйству. — Ох уж эти метели!

Елена скинула полушубок, стряхнула с платка снег, поставила валенки сохнуть на печку и прислонила к теплomu кирпичу скрюченные руки:

— Ох, как же приятно быть дома. Там такой собачий холод.

Устинья захихикала и поспешила накрывать на стол:

— Я пшеничной каши наварила. Поедим с груздями.

Тут и Праскурий пожаловал, мешок проса принес. Девушка лукаво его пожурела, посмеиваясь над его облезлой кроличьей шапкой. А он только буркнул:

— Нет ничего в этом смешного, — и ушел.

Устинья взгрустнула:

— Жаль его, дурачок, а все равно на меня не смотрит. Как уж я не пыталась ему понравиться, а никак.

— Не горюй, к весне отгадет и поймет какая ты у нас красавица.

Служанка защebetала радостно, прося святую Евпраксию заступиться за нее и образумить этого дурня.

Быстро стемнело. Устинья замесила тесто для пирогов, а Елена проверяла тетрадки с каракулями учеников. Ножиданно в дверь забарабанили. Басистые голоса с улицы орали:

— Открывайте быстрее, а то замерзнет совсем!

Девушки всполошились: кто это мог быть? Устинья побежала к выходу. Через мгновение три бараньих тулупа внесли чье-то заснеженное тело в волчьей шубе и уложили на пол возле печи.

— Раздевай его скорей! — кричал самый бородатый. —
Надо спиртом ему тело растереть, а то совсем не дышит.

— А если он совсем окоченел? — спросил второй помо-
ложе.

Третий, безбородый, предположил:

— Значит зима его к себе прибрала.

Елена, бросив тетрадки, тоже подскочила к пришлым. Это
были запоздалые охотники. Проверяли капканы в лесу и вне-
запно наткнулись на лошадь, что спокойно шла с возом, но
без хозяина. Тогда-то им и пришла в голову догадка, что он
уснул и свалился где-то в пути. Шансов найти его среди за-
метенных дорог было мало, но им посчастливилось пойти по
верному пути и в итоге они наткнулись на шкуру волка, в
чем и спал подвыпивший и почти замерзший купец.

— Ну и тяжелый он оказался, еле дотащили, — ворчал
бородатый.

Молодца быстро раздели и начали тереть всего спиртом.

— Дышит, говянец! — выругался на радостях младший.
— Не зря тащили.

Елена сидела у изголовья и потирала замерзшему виски.
Он начал приходить в сознание, мутным взглядом посмот-
рел на нее и странная улыбка появилась на его лице:

— Ангел... — успел он произнести и снова отключился.

— Что с ним? — напугалась девушка. — Он не умер?

Второй охотник наклонился и прислонил ухо к груди ле-
жащего:

— Живой, дышит. Просто пьян еще и от мороза не отошел.

— Пусть он у вас до утра полежит, прогреется, а утром мы его заберем, — предложил бородатый.

— А сами вы куда в такой час? — встряла Устинья. — Оставайтесь, погрейтесь. В сенях полно места: на мешках и соломе поспите.

Мужчины согласились. Вьюга выла устрашающе, а им до их деревни в такую ночь не дойти.

Попили простокваши, а вскоре и пирожки с сушеными грибами подоспели.

Купец засопел здоровым сном, что заставило всех свободно выдохнуть.

К утру метель утихла и выглянуло далекое солнце. Почти не спавшая всю ночь Елена сидела на низком табурете возле купца и проверяла пульс. Прикладывала ему на лоб влажную тряпочку, чтобы сбить начавшийся жар. Мужчина открыл глаза и силился понять где он и что с ним.

В горницу вошли выпавшиеся охотники. Устинья успела заварить чай, нарезала хлеба, выставила миску с брусничным вареньем:

— Садитесь позавтракайте, — пригласила всех к столу, зная, что хозяйка не будет против.

— Ну и как поживает наш Дед Мороз? — пошутил бородач, разглядывая очнувшегося купца.

Тот попытался приподняться на локте и оглядел комнату:

— А что я тут делаю? — просипел он.

Мужчины рассказали ему, что нашли его обоз с лошадей, а потом и его самого. Думали, что замерз и притащили в крайний дом, где он и отморозился.

Елена встала и повесила еще влажное полотенце с тряпкой сушить на веревку вдоль русской печи.

Тут купец осознал, что рядом женщина и смутился своего неблагоприятно раздетого вида под одеялом.

Мужчины поняли его смущение и засмеялись:

— Да уж, перед лицом Жизни и Смерти мы все равны. Так что причиндалы свои оставь при себе.

Елена, чтобы не смущать гостя, велела Устинье подать ему высушенную одежду, а сама скрылась у себя в комнате за занавеской.

Купец быстро оделся и крикнул погромче, чтобы хозяйка услышала:

— Я готов. Премного извиняюсь!

Она вышла и поприветствовала его:

— Я рада, что вы в полном здравии. Ваш конь и обоз стоят рядом. Поешьте и можете ехать куда вам надо. Температуру я сбила.

Он пощупал себе лоб и кивнул:

— Да, благодарю вас, чувствую себя как огурчик. Даже очень неловко, что побеспокоил вас таким образом.

— Ничего, главное, что вы живы.

— Ах, я так и не представился, — стукнул себя по лбу.

— Я Николай Елисеев, купец с недавних пор. Первый раз в ваших краях с товаром и немного заблудился.

Тут он осекся, вспомнив, что в соседней Егоровке задержался с мужиками, пробуя медовуху, и так забылся, что опьянел. Потом не помнил, как отправился в путь.

— Рада вашему воскресению, — протянула ему руку.

Он с радостью ухватился за нее и тут вспомнил:

— А я вас где-то уже видел!

— Вы меня видели? — удивилась она. — Где же?

Все еще держа ее руку, Елисеев силился вспомнить.

— А как вас зовут? Откуда вы? Местная?

— Нет, я тут полгода только живу. В прошлом году закончила хабаровскую гимназию и Федор Николаевич пригласил меня работать в его школе.

— Вот оно что! — встрепенулся купец. — Теперь я точно вспомнил откуда я вас знаю.

— И откуда же? — улыбнулась Елена.

— Ваш выпускной! Я тогда сморозил глупость и вы отказались со мной танцевать.

Ее рука выскользнула из его ладоней.

— Ха-ха, теперь и я вас узнала.

Но в этой фразе уже не было ни злости, ни обиды. Целая ночь заботы о пострадавшем дала о себе знать.

Николай почувствовал, что гроза миновала и осмелился извиниться:

— Еще раз прошу прощения. Был не прав. исправлюсь,

если дадите мне еще один шанс.

— Но я тут не танцую, — развела она руками шутливо.
Все засмеялись.

Когда Елена вернулась после школы, Устинья встретила ее с распростертыми объятиями:

— Ой, дорогая моя, вы ангел, и ангела встретили!

— Да что такое? — удивилась девушка.

— Наш купец нам дров нарубил — на целую неделю хватит и мне самой не придется корячиться с топором!

Елена посмотрела на гору щепок, оставшихся после рубки.

— Щепки мне на растопку пригодятся! — щебетала Устинья и подпрыгивала перед хозяйкой, как заведенная собачонка.

Елена улыбнулась: стала приятна такая забота.

Через неделю Елисеев привез ей шаль и бусы.

— Ну я не могу их взять, — отнекивалась она.

— Это вам в благодарность за мое спасение.

— Но это не я вас спасла, а охотники. Я только помогала им...

— Я тогда очнулся и увидел ангела. Вы мой ангел. Примите мой скромный подарок, не обижайте меня.

Она приняла.

Через две недели он привез пряников и красивую шерстяную юбку. И снова убедил взять все это от чистого сердца.

И так все чаще он стал приезжать, и каждый раз первым

делом заходил к учительнице.

Соседи понимали его намерения и шушукались. Устинья тоже намеками показывала Елене, что это все не просто так.

Учительница отнекивалась, но внутри соглашалась. И от этого внимания ей становилось тепло на душе.

Наступила весна. И Николай пропал.

Сначала две недели его не было, потом месяц.

Сердце сжималось от тоски по нему.

— Растопил мою душу и исчез, — утирала тайком слезу, но на людях виду не подавала.

Потом решила, что игра кончилась и все подарки только и были знаком благодарности за спасение. На том и успокоилась.

А однажды утром проснулась от коровьего рева под окнами.

— Что это? — открыла глаза и подскочила к окну.

Устинья тоже только проснулась и протирала глаза:

— Не знаю что и сказать. Вроде у Сорочинских другая корова. А это тогда чья к нам пришла?

Обе быстро накинули плащи и вышли в огород. Пестрая корова стояла привязанная к крыльцу и просила поесть.

— Хм, кто тебя сюда привязал? — подошла к животному Елена и погладила по широкой морде.

— У вас молока и масла не было, а я люблю пшенинную кашу с молоком, — раздался за спиной знакомый голос.

Николай сидел на заваленке у забора и ждал когда жен-

щины выйдут и увидят его сюрприз.

В груди учительницы защебетали ласточки: он не бросил, он вернулся.

Она оглянулась и в глазах ее он прочел: люблю!

Встал, подошел к ней и нагнулся шепнуть ей на ухо:

— Я скучал по тебе.

Она смутилась и опустила голову, но на ее лице он прочел довольную улыбку.

Устинья кинулась подыскивать место для Буренки, а Елена отвела гостя в дом и напоила чаем.

— Я думала вы больше сюда не вернетесь, — осмелилась намекнуть на ее переживания.

— Было много дел. И еще я искал вам подходящий подарок, но не нашел ничего лучше коровы.

— И это очень кстати. Теперь вы всегда можете есть вашу любимую кашу с маслом и молоком.

Николай взял ее руку и прижал к груди:

— А еще я хотел спросить: выйдешь ли ты за меня?

Она заглянула в его горящие глаза и не нашла в них насмешки.

— Ты серьезно?

— Настолько, насколько это возможно. Ты будешь моей женой?

Она согласилась.

На следующий месяц они обвенчались и на празднике, который устроили в честь свадьбы, Николай пригласил Елену

на вальс. Она приняла его приглашение.

После танцев к жениху подошел Алексей и подмигнул:
— Теперь тулупчик за мной. Ты выиграл.

Цыганская верность

1

— Федор Сергеевич, вам письмо от племянника, — передал посыльный слегка испачканный конверт, на котором стояла московская марка и адрес, выведенный небрежно рукой племянника.

— Спасибо, почтенный, — мужчина взял письмо и поднес к носу: пахло табаком. — Хм, Арсений так и не бросил курить.

Отпустил посыльного и, опираясь на трость, сильно прихрамывая, пошел на веранду. Опустился в гамак, заваленный подушками, и приказал горничной Лизе подать ему чая с брусничным листом.

Июнь только начался и военные учения должны были быть в самом разгаре, но почему-то племянник прислал письмо — крайне редкое явление.

Ещё долго старый помещик не осмеливался распечатать конверт, чувствовал, что новости его не порадуют.

Наконец Лиза опустила на деревянный круглый стол фарфоровый чайник с двумя чашками, потому что знала: Федор Сергеевич всегда просил составить ему компанию.

Ещё пару лет назад он был более общительным и к нему заезжали нередко друзья-соседи поболтать, выкурить отменных сигар, привезенных аж из Северной столицы. А как только подагра прихватила, сразу вытолкала друзей на дальние рубежи. И остался граф Бороздин куковать один на один с болезнью. Только Лиза его и утешала. Говаривали, что они даже были любовниками, но доказательств не находили, а сама горничная не отрицала, но и не признавала.

Так и жили втроём в большом доме: граф, служанка и его подагра. Остальные слуги лишь приходили по делам, а жили каждый в своих избах.

Имение Берестенево не было слишком огромным, но и маленьким его сложно было назвать. Граф давно перепись не проводил, но подразумевал вместе с детьми и стариками душ 400—500. По своей немогности вел хозяйство небрежно, больше полагаясь на управляющего Петра, сына районного купца, что завозил сигареты и разные безделушки в подарок Лизе от лица графа. Горничная смущалась, но охотно принимала всякие шали, бусы, сарафаны. Детей у Бороздина не было. Жениться тоже не сложилось. А когда неожиданно младшая сестра с мужем, путешествуя по Волге, затонули на пароме, взялся воспитывать племянника. Так и повелось, что либо барышни велили сослать мальчонку в закрытую кадетскую школу, либо сама барышня не очень-то и нравилась Федору — так и остался бобылем.

Но мысль о военном воспитании Бороздину приглянулась

и мальчик отправился в Москву. А годами позже появилась в услужении и Лиза. С ее приходом последняя мысль о женьтибе улетучилась и не будь она крепостной, наверняка бы он и узаконил с ней свои отношения.

Проходили годы. Арсений рос, но вместе с ним росли и его претензии к муштре и системе беспрекословного повиновения. Он с детства был упрямым и задумчивым. Задавал не по годам какие-то умные, философские вопросы, на которые родители не находили ответа и бранили его, угрожая наказать в иной раз, если это повторится. Донимал он и дядю Федора, но тот лишь лаконично мотал головой, делая вид, что размышляет, а потом засыпал. И мальчик оставался без ответов. Обратился как-то с непотребным вопросом к дьякону:

— А правда, что Христос был обычным человеком? Тогда почему мы все должны ему кланяться? Он чужеземец и имя у него не русское. Он, небось, даже говорить по-русски не мог. Как же он тогда наши просьбы и молитвы слышать может и понять?

На что дьякон озлобился и пожаловался батюшке, а тот родителям пацана. Отец похлопал сына по плечам и показал кулак перед носом: вот что бывает с теми, кто говорит несуразицу.

Маленький Арсений обиделся, но понял, что окружение его все равно не поймет, и замкнулся. А когда родителей не стало и его позвали в церковь на панихиду, наотрез отказал-

ся:

— Какой смысл теперь просить Иисуса, когда он меня не услышал и не понял тогда, когда я просил, чтобы мои родители побыстрее вернулись целыми и здоровыми. А теперь их и вовсе нет, и никогда они не вернутся. А молиться никому я больше не буду.

Поп обещал его проклясть и никогда больше не допускать до церкви, но сочувствующие тётушки помещицы пожалели сироту и убедили рассерженного батюшку простить неразумного отрока.

На том и порешили. Но с тех пор Арсений в храмы не ходил, крестов нательных не носил и когда надо было давать присягу, отказался целовать огромный крест митрополита:

— Я готов отстаивать честь мундира, нашего государя и народа, но этой бесчувственной железяке я ничего обещать не собираюсь.

И мог бы снова разразиться скандал, но питающий к парню симпатию генерал, потерявший от кори собственного сына, сжалился и утихомир пожар. Митрополит получил щедрый подарок — на том и успокоился.

Арсению нравилась большая физическая нагрузка, многомилевые пробежки, строгий мундир в обтяжку, который ещё больше придавал гордости и уверенности его и без того статному телу. Но вот подчиняться он как не терпел, так и не пересилил себя.

И в самый разгар военных учений, когда самым отличив-

шимся начисляли повышение, он умудрился огрызнуться на поручика и тот ударил парня по щеке. Арсений ответил тем же. После чего их разняли и дело дошло до вызова на дуэль, но поручика перевели в Ярославль, а Арсений загремел в карцер на 15 дней, откуда и написал письмо дяде, что военная карьера закончена и он не намерен больше терпеть унижений.

К брусничному чаю Лиза принесла и пирог с полевыми опятами. Села напротив, предварительно поправив подушки за спиной помещика.

— Душенька, — обратился он к ней. — Будь любезна, прочитай что там написано. Сам я не решаюсь. Душа изныла по этому неблагодарному. И чего ему нормально, как всем, не живётся? — и при этих словах издал долговатый стон, откинулся назад, закрыв глаза.

Лиза кивнула и распечатала конверт. Федор Сергеевич когда-то научил ее читать и писать, а потом диктовал ей письма и указания. Так она вдвойне стала ему незаменимой опорой.

«Дорогой дядюшка, — начиналось письмо. — Шлю тебе мое почтение. Спешу обрадовать, что вскоре я не просто тебя навещу, но и насовсем перееду в Берестенево. Служба моя мне наскучила. Себя в ней я не нашел. Кроме казарм и муштры не вижу смысла и далее бездумно присмыкаться. Пользы от этого ни себе, ни государству я не вижу. И потому подал прошение отчислить меня и лишить звания унтер-офицера. Признаюсь, ссору с неким поручиком устроил не я, но вы-

нужден отсидеть две недели в карцере. После чего предстану перед комиссией, где с меня сдерут погоны. Но ничего позорного сам я в этом не вижу. Важнее в собственных глазах оставаться человеком и служить не чинам, а обществу.

На том раскланиваюсь и крепко целую тебя в твою седую макушку. Любящий тебя Арсений.»

Лиза прекратила чтение и всхлипнула. Граф раздул ноздри и нервно хлопнул себя по бедру:

— Вот ведь непутёвый. И свою жизнь сломал, и мою репутацию испортил. С каким трудом я его устроил в кадетское училище, а он... Неблагодарный! А ты чего хнычешь? Ты его видела лишь пару раз в его отпускные.

Лиза проямлила:

— Да я так, Федор Сергеевич, за вас переживаю.

— Ай, дурья твоя башка, — опёрся на палку, пытаюсь подняться. Лиза подоспела помочь. — Допивай чай и иди готовь комнату этому бездарю.

Горевал ли граф о том, что не вышло из племянника героя их времени или главного генерала, но уже через час он снова на веранде с горничной допивал брусничный чай, расхваливая ее грибной пирог.

Август подходил к концу и только тогда Арсений показался на пороге родного дома. Дядя как всегда распивал чай с горничной, нахваливал ее пирог с капустой и давал распоряжение бородатому дядьке в лаптях затарить все бочки солёными грибами.

— Да где ж мы вам столько груздей наберём, батюшка наш Федор Сергеевич, — покрывал от стона бородатый. — Неурожай в этом году. Может в сентябре будут. Если нет, так опят насолим и насушим. Вон сколько гнилья по лесу навалено.

— А ещё зеленушки в октябре из-под снега можно нагребсти, — засмеялся Арсений и кинулся к дяде обниматься.

Лиза радостно всплеснула руками и слезы засветились у переносицы:

— Господи Святые, дождались!

После расцеловываний и тесных объятий помещик не выдержал и, держа племянника за плечи, исподлобья спросил:

— А почему так долго? Мы тебя в конце июня ждали.

Арсений сморщился, не желая распространяться, что после выхода из-под кнута военной муштры, не мог с собой совладать и пошел накопленные деньги сорить по кабакам и притонам. Даже почти влюбился в белокурую Нинель, да она сбежала с неким поручиком. Так что, нагулявшись по романам

и юбкам, понял, что пора уже и к дяде, помочь по хозяйству и остепениться.

— Останься ещё, — ласковые голоса раздавались то в левое, то в правое ухо, оставляя следы помады на его крахмальных сорочках.

— Да чего тебе в глуши делать? — уверяли новые приятели. — Молодость в лесах да полях проводить. Дядя ж есть, он за имением и присмотрит.

Но Лиза давно уже тайно известила Арсения о плохом здоровье графа. И парень осознавал, что ему вскоре самому предстоит управлять имением, а начинать придется с полного нуля. И только дядя может ввести его в курс дела и дать ценные наставления. Потому и кутежа хватило лишь на пару месяцев.

Распрощавшись с Москвой и ее вертепами, он закупил домой подарков и двинулся в путь, не представляя что ждёт его дома. А вдруг и правда наскучит деревенская жизнь?!

Поняв, что молодость есть молодость и ее тянет на всякого рода причуды, Бороздин не стал допрашивать племянника и проводил его в комнату.

— Надеюсь, ты ещё не все стены родного дома позабыл.

Парень остановился перед портретом родителей и вздохнул:

— А их я совсем не помню. Мне тогда 8 было, а лица стёрлись. Только силуэты неопределенные. Как жаль, что жизнь и память так недолговечны.

Дядя тоже вздохнул, но не ответил.

После обеда Федор Сергеевич приказал запрячь повозку и поехал показывать Арсению окрестности.

И впервые за долгие годы парень почувствовал настоящее раздолье и перестал переживать, что будет скучать по Москве.

— Наконец-то я дома, — привстал он и расправил руки.
— Здравствуй, родина!

Граф прослезился. Проживая тут большую часть жизни, он сам впервые осознал каким чудом владел.

— Да, сынок, это наше богатство и мы за него в ответе.

Вернувшись домой, Арсений кинулся к бюро и накидал несколько заметок с планами преобразования родной деревни.

На следующий день, едва занялся рассвет, молодой барин вскочил, накинул на рубашку жилет, приказал оседлать коня и поехал по окрестностям.

На холме высилась посеревшая от времени церковь. Купола облезли и казались красными от ржавчины.

— Ну и пусть себе сгниет, — сплюнул в сердцах, даже не понимая за что злится.

Поехал дальше. Объехав все окрестные дома и амбары, с удивлением обнаружил, что там нет ни одной аптеки и ни одной школьной вывески.

— Как же так? — удивился он. — Я-то надеялся, что дух просвещения и сюда шагнул. А тут полный мрак. Что ж, пора

поменять здешние устои. Я всё исправлю. Не зря же я вернулся.

И с этими мыслями он отправился домой переговорить с дядей о новых замыслах.

Граф, выслушав племянника, лишь махнул рукой: делай как знаешь.

И первым делом Арсений приказал освободить от лишнего хлама один из амбаров, поставить туда столы с лавками и табуретами, и повесить доску.

Крестьяне шушукались, но указ исполняли.

На третий день молодой помещик сам красивыми яркими буквами вывел «Школа Берестенево». Наказал приказчику обойти все дома и созвать всех желающих любого возраста учиться грамоте.

В субботу Арсений приказал напечь пирожков для учеников в честь открытия школы.

Толпа медленно, но с любопытством собиралась. Те, кто постарше, подталкивали вперёд младших. Младшие стеснительно хихикали и щипались.

Наконец приказчик скомандовал занять места и указал на барина.

— Арсений Петрович теперь будет каждую субботу обучать вас читать и писать. Вы сможете заказывать себе газеты и на рынке вас перестанут обманывать.

Пришедшие довольно загигикали и закивали.

Барин оглядел всех присутствующих и раздал перья, чер-

нила и бумагу.

Кто-то из детей умудрился вымазать соседу щеки этими чернилами.

И Арсений начал выводить на доске буквы. Озвучивал их и просил вторить за ним.

Но уже через четверть часа заметил, что не привыкшие к обучению, люди теряли фокус внимания. И он приказал раздать им пирожки. Особенно обрадовалась детвора.

Внимание снова вернулось, но на час все равно не хватило. Учитель поблагодарил всех и задал задание выучить все 10 букв и научиться их узнавать по памяти к следующей субботе.

Начали шумно расходиться. На последнем ряду сидела смешная курносая девушка с ярко-голубыми глазами. Казалось, она и не собирается уходить.

— А ты почему ещё тут? — обратился к ней Арсений.

Она засмушалась и покраснела:

— Ну я это... учиться хочу.

— Хм, — улыбнулся довольно помещик. — Тогда обязательно приходи в следующий раз.

— А сегодня ещё нельзя никак? — в голосе девушки сквозили нотки нетерпения.

И это победило.

— Ладно. Садись ближе, чтобы я тебе не кричал.

Крестьянка не заставила себя долго ждать.

— Как тебя зовут?

— Акулина.

— Красивое имя. А фамилия?

— Праскурина, — глаза девушки прямо засветились от радости, что барин столько внимания уделил ей одной. — А папа мой Афанасий Праскурин, лапотник.

— Хм, лапотник? — удивился Арсений. — Разве до сих пор тут лапти носят?

— Конечно, летом удобно очень и не жарко в них, — и выставила вперёд тонкую ножку, обутую в уже потемневший, но ещё новый башмачок из бересты. — Вот, смотрите.

Арсений с удивлением поглядел на это творение и продолжил:

— Ну что ж, это замечательно. Скажи ему, пусть для меня тоже сделает парочку дома носить.

— Конечно, барин, обязательно! — почти подпрыгнула на лавке.

И они продолжили изучать алфавит, а потом учитель научил ее писать имя Акулина.

На следующий раз девушка снова осталась после всех и показала как кривыми буквами, но без ошибок написала Арсений Петрович. Это ему польстило и он угостил Акулину леденцом, которые любил и постоянно носил несколько в карманах сюртука.

Афанасий Праскурин по просьбе дочери смастерил бари-ну лапти и ещё украсил их кожаным ремешком. Глядя на племянника, и дядя попросил похожие, но большего разме-

ра, чтобы шерстяные носки влезали.

Акулина скакала радостная домой с леденцом во рту и перед глазами стоял образ доброго и умного барина, да ещё такого красивого и заботливого. Со стороны, заметившие ее, начали догадываться, что девушка влюбилась. Так оно и случилось. Но могла ли она рассчитывать на взаимные чувства такого человека? Вряд ли эти тревожные мысли посещали юную голову, мало знающую о жизни.

Прошел месяц. Народ стал редеть. Не помогали ни пирожки, ни увещевания, что их никто уже не обманет. Народ ленился, мужики предпочитали бражничать, бабы хлопотали по хозяйству. А дети — дети больше баловались, не особо видя в правописании развлечение.

Арсению начинало это наскучивать. Дело словно не продвигалось. И лишь Акулина старалась изо всех сил. Только она его и радовала. Отдельно с ней начал он не только письменность, но и арифметику. В благодарность за это она приносила ему домой корзинами отборные яблоки и боровики.

Как-то дядя Федор не выдержал и прямо сказал племяннику:

— Да, сынок, девушка души в тебе не чаит. Глаза так и светятся при виде тебя.

— Она просто любит учиться.

— Или любит учителя, — хихикнула Лиза.

Арсений насупился, но задумался. Вскоре и сам это понял и поэтому стал держаться с ней суховато, чтобы не разжигать и далее в ней надежд.

— Жалко девушку... — думал он, но ему нравилась ее напористость в учебе. — Ей бы и дальше продолжить учиться, но она ведь крепостная...

И, уже зная примерно время ее прихода с корзинами, стал

избегать встречи.

Однажды, следуя за гончей задами, Арсений по петляющим тропинкам вышел к развилке дорог, где размещался большой базар неподалеку от городка Калынь. Народ гудел, привезя со всей округи все, что только можно было продать.

Трое мальчишек пронесли мимо, толкнув парня, с криками:

— Цыгане приехали! Бежим смотреть на медведя!

— Медведя, — вторил Арсений и последовал за детворой.

Цыгане разбили лагерь позади рынка. Женщины постарше развешивали сушить белье. Парни с пышными шевелюрами точили ножи и чистили дула пистолетов. Толпа уже сбивалась посмотреть на меткую стрельбу вслепую и метание ножей.

Арсений видел подобное давно в детстве, когда гулял с нянькой. И его это сильно впечатлило, а потом все отрочество и юность прошли в закрытых казармах. И парень содрогнулся от ощущения настоящей свободы. Свободы ходить куда и когда хочешь.

Солнце клонилось к закату, окрашивая выжженную от засухи поляну багровым светом, как пышный бархат цыганской шали. Над кручами за городом, где полынь пахла горечью и свобода витала в сухом воздухе, распластался шумный, пёстрый табор. Казалось, сама Русь в лице этих странников взглянула на обывательский городок с дерзкой ухмылкой, с песней, с искрами костров и громким смехом вольных

душ.

У самой опушки раскинулись шатры, кибитки, крытые пёстрыми коврами, а рядом распряженные кони ржали и били копытом, раздувая ноздри. А у костра посередине, в пятнистом отблеске огня, в развороченной толпе — зрелище. Высокий, с проседью в чёрных вихрастых волосах, метатель ножей с холодным блеском в глазах бросал лезвия одно за другим в круглую деревянную мишень, на которой, не дрогнув, стояла тоненькая девушка с чёрными, как ночь, глазами. Металл свистел, шептал о смерти, но впивался в дерево, не задевая и край её расписной кофты.

Чуть в стороне медведь на цепи, с бубном на шее, поднимался на задние лапы, и косматый хозяин бил в свой бубен, крича сиплым голосом:

— Гляди, барин! Миша пляшет лучше всех ваших балетных!

Но главным волшебством был не танец зверя и не игра стали — нет, в самой сердцевине табора сидела старая цыганка, с лицом, покрытым морщинами, как карта судьбы, с потускневшими, но всё ещё пронзительными глазами. Она держала ладонь молодой крестьянки и шептала:

— Долгая дорога ждёт тебя... Встанешь на распутье, и оба пути — плач. Но за слезами, девонька, свет есть...

Рядом, на расстеленной на столике белой скатерти, молодая гадалка — гибкая, как ива, яркая, как васильки в поле — раскладывала карты. К ней тянулись и купцы, и солда-

ты, и бабы с базара. Она не говорила — словно распевала, и каждое слово её, будто чарка вина, дурманило, затягивало в сказку.

И стоял над этим всем гул табора, запах дыма, смех, цыганская песня, резкая и вольная, как ветер в просторах.

Всё жило, кипело, пылало, как сердце, жаждущее любви, боли и свободы.

У самого входа в табор, где в траве блестели случайные монеты и горлышки битых бутылок, раскинул свой ковер старый Сандро — продавец амулетов, талисманов и цыганского волшебства. Он сидел, подогнув под себя ноги, с лицом, загорелым до медного блеска, и пальцами, униженными кольцами, будто медная яшма ожила и шевелилась сама.

На скатерти перед ним был разложен целый мир мелких чудес: крохотные подковки, скрученные из старых гвоздей и покрытые черной смолой; узелки с травами, от сглаза и ревности; лоскутки с зашитыми в них куриными косточками; кулоны из стекла, что при свете солнца светились будто волшебные камни. Каждый предмет — с историей. И Сандро рассказывал их с ленцой, с прищуром, будто не просто продавал, а выбирал, достоин ли покупатель услышать судьбу, вшитую в кусочек железа или медной проволоки.

— Вот это, гляди, баба, подкова счастливая. Нашли её на перекрёстке ночью, где дорогу ведьма перешла. С той поры ни у кого, кто носил её в узелке, ни скота не пало, ни детей не болело.

А вот этот глаз — от лихого взгляда. Цыганский мальчонка родился с таким родимым пятном, помер младенцем, но глаз его застекленел и силу свою оставил. Теперь носи — ни зависти, ни клеветы не пристанет.

Купцы, добродушно посмеиваясь, всё равно кивали, отдавая мелочь — да и не мелочь, кто знал, где правда, где вымысел.

Бабы из деревни, крестясь украдкой, брали амулеты «на ребёнка», «на мужика, чтоб домой шёл», «от тоски». Даже городской чиновник, при погонах, брови сдвинул, но всё-таки сунул в карман «камешек на удачу».

— А это что? — спрашивал молодой парнишка, тыча пальцем в обугленную кость на шёлковой нитке.

— Это — от смерти. Спасёт раз. Второй не обещаю, — отвечал Сандро и загадочно усмехался, показывая белые зубы.

Всё здесь было сказкой, и всё могло быть правдой. В таборе ценилась не вещь — слово, что шло с ней, и взгляд, которым цыган продавал не амулет, а мечту.

Купчиха Марфа Семёновна появилась на площади, как буря: тяжёлая, надушенная, с румяными щеками и грозным прищуром. В руке — замотанное в кружево серебряное кольцо в виде змеи с двумя алыми камушками-глазами. Подошла к коври Сандро, да не поздоровалась, а швырнула кольцо прямо ему под ноги:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.